

УДК 821.113.5-312.4
ББК 84(4Нор)-44
Б96

Samuel Bjørk
DET HENGER EN ENGEL ALENE I SKOGEN

Серия «Звезды скандинавского триллера»

Published by arrangement with Ahlander Agency

Перевод с норвежского *Марии Назаровой*
Оформление обложки *Анары Хайрушевой*

В книге присутствуют упоминания социальных сетей,
относящихся к компании Meta, признанной в России экстремистской,
и чья деятельность в России запрещена.

Бьорк, Самюэль.
Б96 Я путешествую одна: [роман] / Самюэль Бьорк; — [перевод
с норвежского М. Назаровой]. — Москва: Издательство АСТ,
2023. — 416 с. — (Звезды скандинавского триллера).

ISBN 978-5-17-158285-2

В лесу в окрестностях Осло обнаружено тело шестилетней девочки. Она одета в кукольное платье, за спиной у нее школьный ранец, а на шее — лента с надписью «Я путешествую одна».

Гениальная Миа Крюгер, обладающая уникальным чутьем следователя, ушла из полиции несколько лет назад и поселилась на безлюдном острове в норвежских фьордах, где предаётся мучительным воспоминаниям и мыслям о самоубийстве. Но когда бывший босс Холгер Мунк показывает ей фотографии с места преступления, Миа понимает: девочка в лесу — только первая жертва, так что вернуться и раскрыть это дело — ее долг. Но Миа Крюгер еще не знает, насколько глубоко она в действительности замешана в этой истории...

УДК 821.113.5-312.4
ББК 84(4Нор)-44

ISBN 978-5-17-158285-2

© Samuel Bjørk, 2013
© Назарова М., перевод, 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2023

28 августа 2006 года в родильном отделении больницы Рингерике в Хёнефоссе на свет появилась девочка. Ее мать, двадцатипятилетняя воспитательница Катарина Улсен, была больна гемофилией и умерла при родах. Акушерка и несколько медсестер, помогавших ей, позже говорили, что ребенок родился необыкновенно красивым. Новорожденную описывали как тихую, но невероятно живую девочку со взглядом, из-за которого все сотрудники отделения относились к малышке по-особому. В документах Катарина Улсен указала отца как неизвестного. В последующие дни руководству больницы Рингерике вместе с местным комитетом по охране детства удалось найти бабушку ребенка, проживавшую в Бергене. Женщина не знала даже о беременности дочери, а приехав в больницу, обнаружила, что ребенок пропал. На протяжении следующих недель полиция Рингерике вела розыск девочки — безрезультатно. Два месяца спустя шведский медбрат Йоаким Виклунд был найден повешенным в своей квартире в центре Хёнефосса. На полу под телом лежал лист бумаги с набранным на компьютере текстом: «Мне очень жаль».

Девочку так и не нашли.

Лиза шла в школу, топ-топ-топ.
В новом платье радостно шагала.

Норвежская детская песенка

1

1

Вальтер Хенриксен сидел за столом и отчаянно пытался проглотить хоть кусочек завтрака, поданного женой. Яичница с беконом. Селедка, копченая колбаса и свежий хлеб. Чай из выращенных в их собственном саду трав. В том самом саду, который она так хотела и ради которого они купили этот дом на окраине Осло, рядом с лесом Эстмарка. Чтобы она могла воспитывать здоровые привычки. Ходить в лес на прогулки. Ухаживать за небольшим огородом. Собирать грибы и ягоды и дать собаке свободную жизнь. Вальтер не выносил этого кокер-спаниеля, но обожал жену и поэтому пошел на все это ради нее.

Он проглотил кусочек бутерброда с селедкой и изо всех сил боролся с телом, которое хотело выбросить его обратно. Сделав большой глоток апельсинового сока, он попытался улыбнуться, хотя у него было ощущение, словно кто-то ударил его молотком по голове. Корпоратив вчера вечером пошел не по плану, и он снова не удержался от алкоголя.

Фоном звучали новости, пока Вальтер пытался прочесть настроение на лице жены. Спала ли она, когда он пришел домой под утро? Он не помнил, во сколько, но было поздно, слишком поздно. Он помнил, что разделся, а также смутную мысль, что она уже, *к счастью*, спит, перед тем как он завалился на слишком жесткий матрас, на покупке которого

Самюэль Бьорк

настояла жена, потому что в последнее время у нее появились проблемы со спиной.

Вальтер покашлял, вытер рот салфеткой и погладил себя по животу, как будто от удовольствия и сытости.

— Может быть, я схожу прогуляюсь с Леди? — пробормотал он, изобразив подобие улыбки.

— Да, отлично, — кивнула жена, немного удивившись, потому что, хотя об этом и не говорили вслух, она прекрасно знала, что он не любил их трехлетнюю собаку.

— Может быть, вы в этот раз пройдетесь подальше, чем просто вокруг дома?

Он искал в ее голосе ту подавляемую агрессию, которая обычно означала недовольство, улыбку, которая была вовсе не улыбкой, а чем-то другим, но не нашел ничего подобного: она выглядела вполне довольной. Он справился, слава богу. И пообещал себе, что такое больше не повторится. Здоровый образ жизни — и больше никаких корпоративов.

— Я думал отвести ее в Маридален, может, по той дорожке к Даушён.

— Замечательно, — улыбнулась она.

Она погладила собаку по голове, поцеловала в лоб и потрепала за ухом.

— Папочка берет тебя на прогулку, это будет так здорово, правда, моя маленькая, малышка моя, да?

Вальтер ходил в Маридален в те редкие разы, когда выгуливал собаку. Он никогда не любил собак, ничего не знал о них и, если бы мог, вообще избавил бы мир от этих животных. Он чувствовал нарастающую неприязнь к глупой псине, тянущей поводок, чтобы он пошел быстрее. Или чтобы он подождал. Или пошел в другую сторону. Наконец он поднялся на дорожку, ведущую к Даушён. Здесь можно было отпустить собаку с поводка. Он присел на корточки, погладил по голове в попытке проявить ласку и отцепил поводок.

— Вот, теперь можешь немного побегать.

Я путешествую одна

Собака посмотрела на него глупыми глазами и высунула язык. Вальтер закурил и на мгновение почувствовал нечто похожее на любовь к этому маленькому существу. Это ведь не ее вина. Собака была совершенно нормальной. На свежем воздухе головная боль немного отступила. Теперь он будет любить собаку. Ах, она такая милая. На самом деле это даже здорово — побродить вместе по лесу. Теперь они почти подружились, и она так хорошо его слушается. Без поводка она все равно шла по тропинке рядом с ним.

Вдруг Леди рванула в сторону и понеслась в лес.

Черт побери.

— Леди!

Вальтер Хенриксен стал звать собаку, но тщетно. Он бросил сигарету, тихо выругался и начал взбираться на холм, куда убежала собака. Через несколько сотен метров он остановился как вкопанный. Собака лежала на небольшой полянке. И в этот момент он заметил девочку, висящую на дереве. Качающуюся над холмом. Со школьным рюкзаком на спине и лентой на шее с надписью:

Я путешествую одна.

Вальтер Хенриксен упал на колени и на автомате сделал то, чего ему хотелось все утро с момента пробуждения.

Его стошнило, и он заплакал.

2

Миа Крюгер проснулась от крика чаек.

Вообще-то ей уже пора было привыкнуть к ним, ведь прошло целых четыре месяца с тех пор, как она купила этот дом далеко во фьорде, но город будто бы еще не отпустил ее. Квартира в Торшове, на Вогтсгате, где всегда было шумно: автобусы, трамваи, сирены полиции и «скорой помощи»... Она ни разу не просыпалась от них, эти звуки даже как будто успокаивали ее, но крик чаек она не могла вынести. Может, это потому, что, кроме них, никаких звуков больше не было?

Самюэль Бьорк

Она потянулась за часами на ночном столике, но не разглядела, сколько было времени. Стрелки как будто исчезли, словно их поглотил туман, четверть одиннадцатого или половина второго, а может, пять минут чего-то еще. Таблетки, которые она приняла вечером, все еще действовали. Успокоительные, притупляющие, подавляющие, *нельзя принимать с алкоголем*, но кому какое дело... Осталось всего двенадцать дней до смерти, в календаре на кухне осталось двенадцать незачеркнутых клеточек.

12 дней. 18 апреля.

Миа села в кровати, натянула свитер и, пошатываясь, спустилась в гостиную.

Один коллега выписал ей эти таблетки. Ниспосланный небесами друг, который должен помочь ей забыть, пережить, идти дальше. Полицейский психолог — или он психиатр? Наверное, психиатр, раз может выписывать рецепты. В любом случае она получила от него то, что хотела. Даже здесь, на острове, хотя купить тут что-то непросто. Ей нужно одеться. Завести мотор лодки. Мерзнуть пятнадцать минут — столько занимает путь до набережной. Завести машину. Ехать сорок минут до Филлана, местного центра цивилизации. Он не очень-то похож на центр, но аптека там есть. В торговом центре «Йортен». И там же винная монополия. Рецепты были переданы из Осло и готовы. Некоторые от психиатра, некоторые от терапевта. Эти врачи так хорошо помогали, были такими «сочувствующими». *Будь осторожна, не принимай слишком много.* Но Миа не собиралась быть осторожной. Она приехала сюда не чтобы поправиться. Она приехала сюда, чтобы исчезнуть.

Еще 12 дней. 18 апреля.

Миа Крюгер взяла бутылку воды «Фаррис» из холодильника, оделась и спустилась к морю. Она села на камень, плотнее закуталась в куртку и приняла первые за день таблетки. Перебрала их в кармане. Разноцветные. Она понятия не имела, какие из них она только что выпила, голова все еще шла кругом. Да это и неважно. Она запила их из бутыл-

Я путешествую одна

ки и вытянула ноги к воде. Сидела и смотрела на свои сапоги. Бессмыслица какая-то — казалось, будто это не ее ноги, а чужие, где-то вдали. Она перевела взгляд на море. В этом тоже не было никакого смысла, но Миа заставила себя не отрывать глаза от маленького островка вдали, названия которого не знала.

Она выбрала место наобум. Хитра. Остров в Трэнделаге. Ей было все равно, где, только бы в одиночестве. Она позволила риелтору решить. Продайте мою квартиру и дайте что-то взамен. Риелтор посмотрел на нее косо, как на сумасшедшую или идиотку. Но ему главное заработать денег, так что черт с ней, все равно. С белозубой улыбкой, претендующей на дружелюбность, он сказал, что справится с этим. Хотите продать сразу же? Какие-то предпочтения по месту нового дома? Притворная вежливость, но она видела, что за ней скрыто. Ее бросило в жар от этой мысли. Лживые, уродливые глаза. Миа всегда видела людей изнутри. Сейчас она насквозь видела его, этого гладкого типа в костюме с галстуком, и он ей не нравился.

Ты должна пользоваться своим талантом, раз он у тебя есть! Ты что, не понимаешь? Ты должна им пользоваться, и это именно то, для чего он тебе пригодится!

Больше она не будет пользоваться им. Никогда и ни для чего. Эта мысль успокоила ее. Вообще она стала очень спокойной с тех пор, как приехала сюда. На остров Хитра. Риелтор молодец. Она почти послала ему мысленный привет.

Миа Крюгер поднялась с камня и пошла по тропинке к дому. Пора выпить. Она не знала, сколько сейчас времени, но уже пора. Она купила дорогое вино, заказала его заранее. Какая-то нелепость: зачем наслаждаться дорогим алкоголем, если осталось так мало времени? С другой стороны, почему бы и нет? Почему одно, почему другое? Она давно перестала думать о таких вещах. Открыла бутылку «Armagnac Domaine de Pantagnan» 1965 года и налила себе три четверти чайной чашки, стоявшей невымытой на кухонном столе.

Самюэль Бьорк

Арманьяк за 800 крон из немывтой чашки. *Думаешь, мне есть дело?* Она улыбнулась самой себе, достала еще таблеток из кармана и снова спустилась к камню.

И снова послала мысленный привет риелтору с неестественно белыми зубами. Если бы ей нужно было место для жизни, этот дом вполне подошел бы. Воздух, вид на море, покой под белыми облаками. Она никогда не испытывала симпатии к области Трёнделага, но этот островок понравился ей сразу. Здесь были олени. Бессчетное множество оленей. Это очаровало ее: олень представлялся ей в других местах — на Аляске или в фильмах. Но красивый зверь, которого непременно застрелят, был здесь. Миа Крюгер научилась стрелять в академии, но никогда не любила оружие. Нельзя играть с оружием, им нужно пользоваться только в случае крайней необходимости, а лучше — никогда. Сезон охоты на оленей продолжался на Хитра с сентября по ноябрь. Однажды по пути в аптеку она увидела компанию молодежи — они пытались привязать тушу оленя к машине. В феврале, когда охотиться запрещено. На мгновение она подумала остановиться, записать их имена и выписать им заслуженный штраф, но сдержалась.

Однажды полицейский — навсегда полицейский?

Теперь уже нет. Больше никогда.

Осталось двенадцать дней. Восемнадцатое апреля.

Она допила арманьяк, откинула голову назад и закрыла глаза.

3

Холгер Мунк, обливаясь потом, стоял в зале прилетов в аэропорту Вернес и ждал свою арендованную машину. Самолет, как обычно, задержался из-за тумана в Гардермуэне, и Холгер снова подумал о следователе Яне Фредрике Виборге, который якобы совершил самоубийство после того, как раскритиковал планы расширения главного аэропорта

Я путешествую одна

из-за погодных условий. Даже теперь, спустя восемнадцать лет, Мунка не оставляло в покое это дело: взрослый человек выпрыгнул из маленького окна в отеле, без причины, прямо перед тем как Стортинг* принял решение расширить аэропорт? И почему ни датская, ни норвежская полиция не захотели тщательно проработать дело?

Он отбросил эту мысль, когда светловолосая девушка за стойкой «Eurocar» кашлянула в знак того, что подошла его очередь.

— Мунк, — сказал он сухо. — Машина должна быть уже заказана.

— Ах, да, так это у вас будет новый музей в Осло? — подмигнула девушка в зеленой униформе.

Мунк не сразу понял шутку.

— Или вы все же не художник? — улыбнулась она, быстро печатая на компьютере.

— Что? А, нет, не художник, — сухо ответил он. — Даже не родственник.

Будь я художником, я бы тут не стоял, подумал Мунк в тот момент, когда девушка протягивала ему бумагу на подпись.

Холгер Мунк ненавидел летать, поэтому настроение у него было не лучшим. Не потому, что он боялся падения самолета. Его хобби была математика, и он точно знал, что вероятность падения самолета меньше, чем шанс попасть под удар молнии два раза в один день. Нет, он ненавидел летать, потому что ему с некоторых пор было тесно на сиденье.

— Ну вот, — девушка в зеленой униформе улыбнулась и дала ему ключи. — Просторная хорошая «Вольво V70», оплачена, время аренды не ограничено, вы можете сдать ее где и когда хотите. Хорошей поездки.

Просторная? Это была еще одна шутка, или она так решила его успокоить? Вот вам большая машина, где вам

* Норвежский парламент. *Здесь и далее — примечания переводчика.*

Самюэль Бьорк

хватит места, а то вы такой толстый, что не видите своих ботинок.

Холгер Мунк бросил взгляд на свое отражение в одном из больших окон по пути из зала прилетов к парковке. Наверно, уже пора. Пора начать тренироваться. Следить за питанием. Сбросить пару килограммов. Он начал думать об этом в последнее время по нескольким причинам. Он давно уже не бегал по улицам за преступниками, для этого были подчиненные, так что причина не в этом. В последние недели у Мунка немного разыгралось тщеславие.

Боже, Холгер, новый свитер? Боже, Холгер, новая куртка? Боже, Холгер, ты сбрил бороду?

Он завел «вольво», поставил свой телефон на подставку и включил его. Только успел пристегнуться и поехать в сторону центра, как начали приходить сообщения. Холгер вздохнул. Всего час с выключенным телефоном, и вот, все заново. Никогда не оставят в покое. На самом деле не только самолет так испортил его настроение. В последнее время многое накопилось. И дома, и на работе. Холгер водил пальцем по экрану смартфона, который его обязали купить. Современная полиция, новейшие технологии — даже в Хёнефоссе, где он провел последние восемь месяцев. Отделение полиции Рингерике. Именно там он начал свою карьеру, и вот он снова оказался там. Из-за происшествий у Трюванна.

Семь пропущенных из главного офиса. Два от бывшей жены. Один от дочери. Два из дома престарелых. И миллион сообщений.

Холгер Мунк решил, что мир немного подождет, и включил радио. Нашел станцию с классической музыкой, опустил окно и зажег сигарету. Курение было его единственной вредной привычкой, не считая еды, разумеется, но это совсем другое дело. Он не собирался бросать курить, сколько бы новых законов ни принимали политики и сколько бы запрещающих курение табличек ни стояло на его пути — как, например, на приборной доске этой машины.

Я путешествую одна

Без сигареты не получалось думать, а думать Холгер Мунк любил. Напрягать мозги. Тело существует, пока работает мозг. По радио играли «Мессию» Генделя, не самая любимая у Мунка, но вполне подходящая моменту. Ему больше нравился Бах, он любил математичность в музыке, а не всех этих чувственных композиторов. Арийские военные марши Вагнера, импрессионистский эмоциональный мир Равеля. Мунк слушал классику, чтобы избежать человеческих чувств. Если бы музыка была математическим предметом, было бы намного проще. Он быстро провел пальцем по обручальному кольцу и подумал о бывшей жене. Уже десять лет прошло, а он все еще не может его снять. Она звонила? Может быть, и правда она?

Да нет. Снова про свадьбу. У них есть общая дочь, Мириам. Она собирается замуж, и нужно обсудить техническую сторону дела. Вот и все. Холгер Мунк выбросил окурок в окно и зажег новую сигарету.

Я не пью кофе, не пью алкоголь. Черт с ним, могу я хотя бы выкурить сигарету?

Он напился всего один раз, в четырнадцать лет, самодельным отцовским вином из вишни, в деревне. С тех пор он ни разу не пил. Не было потребности. Не было желания. Разрушать мозговые клетки? Как такое в голову может прийти? Вот сигареты — это другое дело. И, может быть, бургер?

Он свернул на заправку «Шелл» и, заказав меню дня с бургером и беконом, съел его на лавке с видом на фьорд Тронхейма. Если бы коллегам нужно было описать Холгера Мунка в трех словах, два из них, скорее всего, были бы «книжный червь». Третьим могло быть «умный» или, может быть, «слишком добрый». Но совершенно точно — книжный червь. Толстый добрый ботаник, никогда не пьющий алкоголь, любящий математику, классическую музыку, кроссворды и шахматы. Может, немного скучный, но отличный следователь и справедливый начальник. Он никогда не ходил пить пиво вместе со всеми и ни разу не встречался с

Самюэль Бьорк

женщиной с тех пор, как жена ушла от него к учителю из Хурума. Мунк был в отпуске два месяца в году, и ему никогда не приходилось вставать посреди ночи, не зная, куда ему нужно ехать. Ни у кого не было такого высокого процента раскрываемости дел, как у Холгера. Все знали и любили его. И тем не менее он вернулся в Хёнефосс.

Я не понижаю, а повышаю тебя. Можешь радоваться, что у тебя все еще есть работа.

В тот день в офисе Миккельсона в Грэнланд он чуть было не уволился, но передумал. А что ему оставалось делать? Стать охранником?

Холгер Мунк сел обратно в машину и поехал по шоссе Е6 в сторону Тронхейма. Снова закурил и последовал в объезд города, на юг. В машине был GPS-навигатор, но Мунк не стал включать его. Он и так знал дорогу.

Миа Крюгер.

Он с теплом подумал о своей старой коллеге, когда зазвонил телефон.

— Мунк слушает.

— Где тебя носит?

На том конце Миккельсон, возбужденный, как всегда на грани сердечного приступа. Как этот человек пережил десять лет в кресле начальника, оставалось загадкой для многих.

— Я в машине, а тебя где носит? — сухо ответил Мунк.

— Где конкретно? Ты уже доехал?

— Нет, не доехал, я только что приземлился, я думаю, ты в курсе. Что тебе нужно?

— Я просто хотел проверить, что ты сделал то, о чем мы договорились.

— У меня с собой папка, и я думал отдать ее, если ты об этом, — вздохнул Мунк. — Неужели было так необходимо посылать меня сюда за этим? Почему не послать почтой? Можно было использовать местную полицию.

— Ты прекрасно знаешь, почему ты там, — ответил Миккельсон. — И я хочу, чтобы ты сделал то, о чем я тебя попросил.